

О.В. Артемьева

Золотое правило и принцип справедливости в этике Генри Сиджвика

Артемьева Ольга Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ORCID 0000-0001-8266-8730

e-mail: o_artemyeva@mail.ru

В статье анализируются особенности концептуализации Золотого правила в этике Сиджвика. Значимость его подхода к исследованию Золотого правила определяется, в частности, тем, что он ввел Золотое правило в контекст теории морали и, сосредоточившись на анализе Золотого правила как высказывания, положил начало традиции осмысления правила в аналитической этике. В рассмотрении Золотого правила Сиджвик исходил из того, что оно представляет собой фундаментальную моральную интуицию, признаваемую всеми людьми. Однако евангельская формулировка правила, с его точки зрения, является неопределенной, допускающей двусмысленные и ложные толкования, и в силу значимости правила нуждается в прояснении и переформулировании. Стремясь рационализировать и прояснить нормативное содержание Золотого правила, Сиджвик связывает его с принципом справедливости, в котором акцентирует идею универсализуемости. Универсализуемость по Золотому правилу осуществляется через соотношение человеком собственных оснований суждений и поступков с основаниями суждений и поступков других людей. Идея универсализуемости в его трактовке задает критерий правильного поступка вообще и правильного поступка по отношению к другим, в частности. Соединение Сиджвиком Золотого правила с принципом справедливости было существенным, поскольку чаще всего справедливость соотносили с талионом. Соотнесение же справедливости с Золотым правилом задает иной ее образ: справедливость проявляется во взаимной готовности людей действовать инициативно, соотнося свои интересы с интересами других и не допуская для себя исключений. Благодаря этому создается пространство человечности, создаются условия для позитивных взаимодействий между людьми.

Ключевые слова: Генри Сиджвик, Иммануил Кант, Золотое правило, универсализуемость, справедливость, мораль, этика, нормы, аналитическая этика

У Генри Сиджвика нет работы, специально посвященной Золотому правилу. В своем главном этическом труде – «Методы этики» – он лишь трижды обращается к Золотому правилу как таковому и преимущественно в критическом ключе. Вместе с тем нельзя не согласиться с Джеффри Уотлзом – автором фундаментального исследования, посвященного Золотому правилу – в том, что Сиджвик в своем рассуждении кратко выразил суть последующих дискуссий вокруг Золотого правила в аналитической моральной философии [Уотлз, 2017, 229], участниками которых были Маркус Сингер, Брюс Олтон, Гарри Дж. Генслер, Ричард Хэар и др. Странники аналитической традиции считали правило важным, но нуждающимся в рационализации. Рационализация, в их представлении, должна акцентировать универсальный характер правила, она должна определенно выразить заключающееся в правиле требование универсализации моральных суждений, предписывающее применять одни и те же суждения в подобных ситуациях, невзирая на вовлеченных в эту ситуацию лиц.

Высказывание Уотлза относительно значимости обсуждения Сиджвиком Золотого правила в рамках аналитической традиции вполне обоснованно, поскольку он первый ввел Золотое правило в контекст теории морали и вполне возможно, что именно благодаря ему позже появилось множество работ, посвященных Золотому правилу.

Сиджвик считал правило одной из несомненных фундаментальных универсальных моральных интуиций, свойственных каждому человеку. Он признавал, что принцип «для меня “правильно” и “разумно” относиться к другим так, как, по моему мнению, следовало бы относиться ко мне самому в подобных обстоятельствах...» является настолько же ясным и определенным, «как любая аксиома в арифметике или геометрии» [Sidgwick, 1981, 507].

Одновременно Сиджвик относился к правилу критически. Критический взгляд в самом общем виде был обусловлен тем, что Сиджвик считал исходную евангельскую формулировку правила «Поступайте по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали по отношению к вам» (Лк. 6:31) – неопределенной и недостаточной, чреватой превратными толкованиями и потому, в силу значимости содержания правила, нуждающейся в прояснении и переформулировании. По существу, представление Сиджвика о Золотом правиле можно выразить словами Маркуса Сингера, заметившего, что правило «не высказывает того, что подразумевает, и не подразумевает того, что высказывает» [Singer, 1961, 47]. Необходимо было привести высказываемое и предполагаемое в строгое взаимное соответствие. Сиджвик попытался сделать это посредством такой переформулировки правила, которая исключала бы его превратное партикулярное толкование и акцентировала универсальный смысл.

Сиджвик предпринял попытку рационализировать содержание правила, выразить его в строгих нормативных формах и связал это содержание с прин-

ципом справедливости, который, наряду с принципами благоразумия и благожелательности, по его убеждению, выражал существенный аспект морали. Именно три эти принципа в совокупности, как считал Сиджвик, выражают ее целостный смысл. Принцип благоразумия задает надлежащее отношение человека к собственному благу и предписывает не пренебрегать большим благом будущего ради меньшего блага настоящего. Принцип благожелательности ориентирует на наибольшее общее благо и предписывает содействовать благу других так же, как и к своему собственному благу, и запрещает в конфликтной ситуации предпочитать собственное меньшее благо большему благу другого/других. Принцип же справедливости говорит о том, как следует относиться к другому/другим и по каким критериям судить о его/их поступках: так же, как ты хотел бы, чтобы относились в аналогичной ситуации к тебе; по таким же критериям, по каким судишь о своих поступках. Особенность взгляда Сиджвика на Золотое правило состоит в том, что он связывает его с принципом справедливости, а не с талионом. Рассуждение Сиджвика фактически ведет к заключению, что принцип справедливости не просто уточняет Золотое правило, но и преодолевает его в том смысле, что принцип справедливости точнее и определеннее выражает нормативное содержание Золотого правила. Задача этой статьи – выяснить, в какой мере критика Сиджвиком Золотого правила обоснована, и действительно ли принцип справедливости в версии Сиджвика трансформирует содержание Золотого правила так, что оно не утрачивает своей полноты и в то же время обретает строгость и определенность, исключая возможность ложных интерпретаций.

Критика Золотого правила

Сиджвик высказывает два основных замечания по поводу формулировки Золотого правила. Первое (до сих пор распространенное в обыденном сознании) замечание состояло в том, что в такой формулировке правило не исключает возможности для человека желать от другого содействия в пороке и быть готовым ответить взаимностью [Sidgwick, 1981, 380]. Второе Сиджвик объяснял тем фактом, что, даже если человек будет следовать Золотому правилу, искренне стремясь совершать правильные поступки, то есть поступать по отношению к другим так, как считает для них правильным поступать по отношению к нему самому в подобных обстоятельствах, его поступок может оказаться неуместным, неправильным, поскольку обстоятельства другого в существенных аспектах или даже сама его природа могут оказаться иными в сравнении с его обстоятельствами и природой. Поэтому правило должно быть переформулировано так, чтобы такая возможность (различие в обстоятельствах и природе) тоже учитывалась.

Первое критическое замечание относится именно к формулировке, к высказыванию как таковому, рассматриваемому вне контекста. В таком подходе Сиджвик предвосхищает подход аналитической этики. Но представляя Золотое правило здесь таким образом, Сиджвик фактически интерпретирует его как частную максиму. В таком качестве формула «поступайте по отношению

к другим так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали по отношению к вам», к тому же воспринимаемая буквально, вполне может быть предметом подобной критики. Как заметил Сингер, если правило толковать буквально, «оно приведет к ужасным вещам» [Singer, 1961, 16]. Однако дело в том, что в такой интерпретации максима вовсе не является Золотым правилом, т.е. основополагающим для человеческих отношений универсальным моральным принципом, как она не является и фундаментальной универсальной моральной интуицией, а именно так характеризовал Золотое правило Сиджвик.

По существу сформулированное Сиджвиком критическое замечание касается не самого по себе Золотого правила, но искажающих его внутренний смысл толкований, основная причина которых и состоит в том, что правило воспринимается как частная максима, как поговорка, сентенция и т.п. вне определяющего ее смысл контекста. Самого правила такая критика не затрагивает, поскольку оно выражает вполне определенный нормативный смысл, в какой бы культурной традиции оно ни было контекстуализировано. При том, что разные культурные традиции акцентируют различные аспекты этого смысла, в каждой из них обнаруживаются константные логика и психология, на что указывает Р.Г. Апресян: Золотое правило ориентирует человека на Другого, стимулирует его поставить себя на место Другого, понять Другого как самого себя [Апресян, 2021а, 12]. Пример с желанием соучастия в пороке никак не встраивается в такую логику и психологию. Или, как показывает А.А. Гусейнов на основе анализа Золотого правила в разных традициях, его адресат – сам нравственный (*уже* нравственный) индивид. Правило не делает из безнравственного нравственного, оно и не о том, как оправдать порочные поступки, а оно помогает человеку, который стремится найти правильные с точки зрения морали решения в сложных ситуациях, оно о том, как осуществить себя в качестве нравственного индивида. В этом существенный смысл правила и его назначение [Гусейнов, 2017, 25]. Иными словами, Золотое правило потому и называют золотым, что оно не является техническим приемом, используемым для любых целей, оно ценностно нагружено и в силу ценностной определенности не может быть предметом смысловых манипуляций. Любые такие манипуляции разрушают Золотое правило, оно перестает быть Золотым.

Интересно, что Сиджвик, критикуя правило, называет его евангельским [Sidgwick, 1981, xix], то есть его критика направлена на евангельскую версию. Между тем именно эта версия (Мф. 7:12) считается наиболее зрелой формой Золотого правила. И в Евангелии от Матфея, и в Евангелии от Луки (Лк. 6:31) Золотое правило представляет собой обобщение различных наставлений Христа и представлено как их суть. Особый статус правила в Евангелии от Матфея подчеркивается словами «В этом закон и пророки» – теми же самыми, которыми выражена значимость Заповеди любви в двух ее измерениях [Апресян, 2013, 41, 46–47]. Кроме того, Сиджвик упускает еще одну существенную и для него самую особенность евангельской версии Золотого правила, а именно – ее универсальный характер. Хотя во всех культурных традициях правило воспринимается как общезначимое, лишь в Евангелии от Матфея его универсальный характер прямо утверждается: «Во всем, как хотите...». Это означает, что правило распространяется на любые ситуации и отношения [Там же, 47].

Критическое замечание Сиджвика касательно правила фактически игнорирует его этико-нормативный контекст. Между тем, исследователи подчеркивают, что смысловая полнота Золотого правила раскрывается, лишь когда принимается во внимание его этико-нормативный контекст [напр.: Апресян, 2001, 76; Уотлз, 2017, 248, 250]. Критическое замечание Сиджвика касательно правила фактически игнорирует его контекст, вне которого смысл правила раскрыть невозможно. На основе анализа иудео-христианской традиции Р.Г. Апресян демонстрирует своеобразный смысл Золотого правила через соотнесение его с другими фундаментальными моральными принципами – талионом и Заповедью любви – и показывает, что моральное значение правила состоит в том, что оно устанавливает «благожелательную взаимность во всех отношениях к другому и определяет источник стандарта, по которому надо относиться к другому» [Апресян, 2021а, 20]. Таким источником является понимание человеком блага, которое может быть благом и для другого. Важно подчеркнуть, что Золотое правило ориентирует на другого, на его благо, о котором человек может судить исходя из собственного представления о том, что является для него благом¹. В ориентации на другого преодолевается эгоизм человека, его сосредоточенность на своих частных интересах и капризах. Поэтому разбираемый аргумент Сиджвика против правила не имеет силы. Уотлз же обращает внимание на то, что в Евангелии от Матфея правило обобщает непосредственно предшествующие ему наставления Христа с упоминанием об отеческом отношении Бога к человеку, которое предъясняется человеку в качестве образца отношения к своим ближним: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у него. Итак, во всем, как хотите...» (Мф. 7:11). Тем самым в Евангелии от Матфея задается еще более высокий стандарт отношения к другому [Уотлз, 2017, 112–113]², и по своему моральному смыслу Золотое правило сближается с Заповедью любви.

Замечание Сиджвика могло бы иметь смысл лишь если бы оно было направлено на ложные, разрушающие правило, трактовки, но не на правило как таковое. Подобного рода критика предпринималась еще Августином. В работе

¹ Иную трактовку Золотого правила дает А.А. Гусейнов, считая, что адресатом Золотого правила является сам его субъект, который озабочен в первую очередь собой, своей нравственной судьбой, а смысл Золотого правила в том, что оно говорит нравственному индивиду, как ему не сбиться с правильного пути [Гусейнов, 2017, 24–25].

² Такое же понимание Золотого правила, которое соотносит отношение Бога к человеку как образец с отношением человека к ближним, прямо выражает Августин: «Как он [Бог] может признавать нас, своих просителей, давайте относиться к своим, и как мы можем знать, что именно должны отдать своему ближнему, просящему у нас (молящему нас о милостыни), имея в виду, что подобным образом Бог может услышать, о чем мы молим его, мы можем заключить, чего именно хотели бы получить в подобном случае от других» (цит. по: [Уотлз, 2017, 139]). Эта же идея в несколько ином ракурсе встречается у Томаса Рида, который рассматривает равное, т.е. *беспристрастное*, отношение Бога к всему творению как образец для человека в его отношении к своим ближним. И в этом смысле для Рида поступать по отношению к другому по Золотому правилу – поступать по-божески [Reid, 2010, 274]. Это означает не только не манипулировать другим в своих интересах или по своему произволу, но и не потворствовать склонностям, капризам, саморазрушительным влечениям другого.

«О Нагорной проповеди Господней» он разбирает пример с любителем вакханалий, который, желая, чтобы другой склонял его к «безудержному пьянству» и веселью, сам сначала склоняет другого к тому же и предполагает, что тем самым поступает по Золотому правилу [Уотлз, 2017, 138] (ср. с: [Августин, 1998, 16–18]). Августин подчеркивал нелепость такого предположения, указывая, что формулировка правила предполагает не просто «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди», но «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди *по-доброму*» [Уотлз, 2017, 138. – курсив мой. – О.А.]. Во-первых, «по-доброму» задано самим нормативным контекстом Евангелия. Во-вторых, Августин связывает желание с волей и противопоставляет его вожделению и утверждает, что воля проявляет себя только в добрых делах, к злым влечет вожделение. Вожделеют порочного и недостойного, а желают только доброго. Желать для себя плохого невозможно, желание всегда направлено на благо. Поэтому в отношении к другому следует руководствоваться тем, как человек желает, чтобы отнеслись к нему в подобных обстоятельствах.

Сиджвик, критикуя Золотое правило, стремится прояснить его, не посредством рассмотрения этико-философского контекста, но посредством переформулирования, или посредством поиска формулы, которая точно и ясно могла бы выразить нормативное содержание Золотого правила – так, чтобы его мог принять любой мыслящий человек. Возможно, критика Сиджвиком Золотого правила как евангельского имела еще и ту подоплеку, что он стремился обнаружить внерелигиозные основания фундаментальных универсальных моральных принципов (интуиций). Именно в принципе универсальности Иммануила Канта: «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант, 1997, 143] Золотое правило Евангелия, по признанию Сиджвика, обрело форму, которую принял его разум [Sidgwick, 1981, xix]. По другому случаю он упоминает Сэмюэла Кларка, сформулировавшего два фундаментальных «принципа правильности» в отношении к ближним – правило равенства и правило благожелательности. Правило равенства в формулировке Кларка Сиджвик охарактеризовал как точное выражение Золотого правила: «Что бы я ни считал для другого разумным или неразумным совершить по отношению ко мне, то же, в соответствии с тем же суждением, я провозглашаю разумным или неразумным для меня совершить по отношению к нему» [Ibid., 384–385]. И вместе с тем понятно, почему Сиджвик ориентируется прежде всего на Канта, а не на Кларка, ведь именно в моральной философии Канта формула универсальности была осмыслена и обоснована на концептуальном уровне.

Смысл кантовской формулы универсальности, который Сиджвик считал «несомненно фундаментальным, несомненно истинным и не лишенным практического значения», он проинтерпретировал так: «то, что правильно для меня, должно быть правильно для всех людей в подобных обстоятельствах» [Ibid., xix]. Иными словами, в представлении Сиджвика кантовский принцип универсальности легко поддается такой интерпретации, при которой он предстает в виде Золотого правила. Но и Золотое правило оказывается таким, которое выражает принцип универсальности. Однако сама его формулировка затемняет это и не препятствует таким прочтениям Золотого правила, когда оно

служит оправданию поступков, направленных на реализацию частного и даже порочного интереса, а Кантова формула в силу ее определенности не дает повода для такого превратного прочтения. Человек, посредством универсализации оснований своего поступка осознает ложную видимость его правильности, придаваемой желанием: «мы понимаем, что мы не должны считать такой поступок правильным для другого, а, следовательно, он не может быть правильным и для нас» [Sidgwick, 1981, 209]. Универсализация служит преодолению ограниченности субъективного взгляда на собственный поступок, призрачности в отношении собственных намерений.

Хотя Сиджвик считал, что именно формула универсальности Канта точно выражает смысл Золотого правила, предложенная им интерпретация этой формулы, точнее, способа универсализации, который она задает, отличается от того, как его представлял Кант. Согласно формуле Канта, универсализация оснований моральных поступков осуществляется через соотнесение их с всеобщим законом. Формулировка же Сиджвика задает другой способ универсализации – через объективацию человеком основания своего поступка посредством приписывания его другому, благодаря чему преодолевается ограниченность частной субъективной позиции, и через последующую оценку этого основания со стороны, объективно, как бы не своего: годится ли оно в качестве основания морального поступка или нет. И если человек считает, что другой не должен совершать поступок по этому основанию, то и сам он не должен. В данном случае универсализация осуществляется не через соотнесение с всеобщим законом, а через соотнесение себя с другим человеком. Такой способ универсализации соответствует скорее логике Золотого правила, нежели формуле универсальности Канта³. Сиджвик саму Кантову формулу универсальности переинтерпретировал в логике Золотого правила. Его трактовка гораздо ближе трактовке Кларка.

Хотя Сиджвик считал, что Кантова формула существенно проясняет смысл Золотого правила, она не казалась ему совершенной. Воспринимая формулу универсальности категорического императива как исключительно процедурно-

³ Как показал Р.Г. Апресян, существуют разные модели универсальности. Одна из них в развитии виде представлена первым принципом категорического императива Канта и предполагает соотнесение оснований суждения или поступка с всеобщим законом. Другая представлена Золотым правилом, которое ориентирует человека не на всеобщий закон, а на Другого. Универсализация по модели Золотого правила предполагает преодоление ограниченности частной позиции человека – Я и Другого через мысленную и деятельную переключку с Другим [Апресян, 2021б, 118–119]. Модель универсальности, близкую по логике Золотому правилу, Апресян обнаруживает в том числе у Канта в «Критике способности суждения», у Г.В.Ф. Гегеля, для которого сами практические отношения людей как отношения взаимности являются основой универсальности суждений [Там же, 114–117]. До Канта и Гегеля подобное понимание универсальности было свойственно Джону Локку и Дэвиду Юму. Среди современных авторов Шейла Бенхабиб прямо связывает традицию универсалистской этики с традицией Золотого правила. Своеобразие универсальности в рамках этой этики состоит в том, что она предписывает членам «морального сообщества» обмениваться позициями, судить с точки зрения другого. Такой обмен, считает она, необходим для утверждения взаимности, связывающей человеческие сообщества [Benhabib, 1995, 339]. Как справедливо отмечает Апресян, модель универсальности, задаваемая Золотым правилом, характерна для такого представления о морали, которое замыкает ее не на императив, а на конкретного человека [Апресян, 2021б, 123].

формальную и не принимая во внимание ее внутреннее единство с формулами человечности и автономии, Сиджвик полагал, что формула универсальности не может служить основанием для разрешения конфликта долга и интереса, оказывается совместимой с позицией разумного эгоиста, для которого личный интерес является абсолютно приоритетным и который, несмотря на то, что хотел бы, чтобы другой жертвовал своим интересом ради общего блага, в силу последовательности своей позиции не требует этого от него, признавая право другого следовать собственному интересу как безусловно приоритетному [Sidgwick, 1981, xix]. Помимо этого, Сиджвик ошибочно считал, что формула универсальности Канта скрывает разницу между субъективной и объективной правильностью максим поступков. Он согласен с тем, что те максимы поступков, которые не проходят тест на универсальность по формуле Канта, не являются приемлемыми, но не считает, что правильными являются все те, которые этот тест проходят. Вполне можно допустить, что люди действуют согласно таким максимам, которые искренне считают универсально приемлемыми, однако при этом нельзя не заметить, как часто они расходятся в представлениях о том, как каждый должен поступать в одних и тех же обстоятельствах [Ibid., 209–210]. Отсюда Сиджвик делает вывод, что формула Канта не может быть единственным критерием правильности поступков, не замечая, что и сам Кант не считал принцип универсальности единственным таким критерием, а рассматривал его в единстве с принципом человечности и автономии.

Принимая во внимание эти соображения и имея ввиду формулу универсальности Канта, Сиджвик переформулирует Золотое правило как принцип справедливости, или равенства.

Принцип справедливости (равенства)

Рассматривая Золотое правило как принцип справедливости (равенства), Сиджвик следует в русле заложенного еще Августином понимания, в рамках которого осознание Золотого правила как закона природы связывалось с осознанием справедливости. Как говорилось выше, такое же понимание было свойственно Кларку, который в едином правиле правильности выделил два аспекта: Золотое правило, или справедливость, и универсальную благожелательность, или любовь.

В принципе справедливости Сиджвика выражено требование равенства, или требование честности (беспристрастности). В «Методах этики» Сиджвик дает разные формулировки этого принципа. В качестве основных можно выделить следующие, акцентирующие разные аспекты формулировки:

(1) Какое бы действие любой из нас не считал правильным для самого себя, он интуитивно считает такое действие правильным для всех себе подобных лиц в подобных обстоятельствах [Ibid., 379].

По-другому этот же смысл можно выразить так:

(1a) Если тип поведения, который является правильным (или неправильным) для меня, не является правильным (или неправильным) для кого-либо еще,

должно существовать основание для некоторого различия двух этих случаев – иное, нежели тот факт, что Я и Он – разные люди [Sidgwick, 1981].

Обе эти формулировки принципа справедливости (равенства) указывают на то, какой поступок человека вообще следует считать правильным – тот, который поддается универсализации. Данный тип универсализации предполагает оценку собственного действия через оценку такого же воображаемого действия подобного другого в подобных обстоятельствах и соответствующее этой оценке решение о его совершении или несвершении.

Еще одна формулировка указывает на то, какой поступок *по отношению к другим* следует считать правильным:

(2) Для А не может быть правильным относиться к В так, как для В будет неправильно относиться к А на том исключительно основании, что они два разных индивида и при отсутствии какого-либо различия в природе или обстоятельствах этих двоих, которое могло быть установлено как разумное основание для различного отношения [Ibid., 380].

В формулировке (2) принцип справедливости учитывает то, что, по мнению Сиджвика, не учитывает традиционная формулировка Золотого правила, а именно, возможность такого существенного различия условий, в которых находятся люди, или особенностей этих людей, что правильный поступок, совершаемый одним человеком по отношению к другому, не может быть таким, какой этот человек считает правильным для другого совершить по отношению к нему самому. Сиджвик не поясняет, какого рода различия в обстоятельствах и особенностях людей он имеет в виду. Какими бы ни были эти различия, следует иметь в виду, что Золотое правило вменяет поступать по отношению к другому не просто так, как человек считает правильным для них поступить по отношению к нему, но оно требует прежде представить себя в обстоятельствах другого, вообразить себя тем человеком, встать на его место и попытаться понять, какой бы поступок по отношению к себе в этих обстоятельствах он считал бы правильным со стороны другого, находящегося в аналогичных обстоятельствах. Если же в конкретных обстоятельствах взаимодействия различия между людьми существенны, и люди неравны, то следует относиться к другому, принимая во внимание эти особенности. Допустим, такое отношение не предполагается Золотым правилом. Но Сиджвик совершенно правильно здесь же отмечает, что сформулированный им принцип справедливости не является источником всех обязанностей, сам по себе он не может обеспечить полной детерминации поступков и к этому принципу не сводится вся мораль [Ibid., 380]. Мораль, в его трактовке, включает также принципы благожелательности и благоразумия.

Действительно, Золотое правило уместно при определенном типе отношений⁴. Это отношения, когда другой не знаком, является посторонним, т.е. когда

⁴ В истории мысли были и другие представления о сфере действия Золотого правила. Например, Рид считал правило всеобъемлющим, т.е. охватывающим все действия и все возможные отношения между людьми, в том числе и между неравными (между родителями и детьми, хозяином и слугой, судьей и подсудимым, мужем и женой, богатыми и бедными,

ничего не известно о его особенностях, потребностях, упованиях. Если же другой является не просто ближним, но и близким, тогда для того, чтобы понять, как следует по отношению к нему поступить, нет нужды ставить себя на его место, ведь его потребности и ожидания известны. О близком заботятся. Если же другой открыто и агрессивно выражает враждебность, по отношению к нему допустимы пресекающие его агрессию соразмерные, принципиальные действия (см.: [Апресян, 2017, 12]). Помимо этого, в отношениях между людьми могут действовать и иные (частные) нормы – уместности, адекватности и пр., которые регулируют конкретные межличностные отношения с учетом особенностей вовлеченных в эти отношения лиц.

Смысл принципа справедливости, задающего критерий надлежащего отношения к другому, в формулировке Сиджвика, предполагает, что неравные отношения между людьми как неравными могут быть оправданными и даже правильными, но для такого рода неравенства в отношении необходимо обоснование. Как выражается Сиджвик, в строгом смысле принцип справедливости в отношении к другому возлагает бремя доказательств на человека, «позволяющего себе такое отношение к другому, которое, будучи допущенным в отношении него самого, вызвало бы его недовольство» [Sidgwick, 1981, 380]. Сиджвик также подчеркивает, что этот принцип должен иметь непременно негативную форму, он формулируется в виде запрета. Однако возможны ситуации, в которых данный принцип допускает исключения, но – непременно при условии убедительного обоснования.

Если принять во внимание, что Сиджвик посредством определения принципа справедливости намеревался придать содержанию Золотого правила ясную и точную форму, признаваемую всеми без исключения, и фактически заменить правило принципом справедливости, следует признать, что предложенные им формулировки выражают содержание Золотого правила лишь отчасти. Золотое правило не сводится ни к принципу универсализации, ни к запретам. Развитая форма Золотого правила – та, которая содержится в Евангелиях, позитивна, она вменяет не только воздержание от поступков, наносящих другому вред, но и содействие благу другого (см.: [Апресян, 2013, 47]).

* * *

Итак, Сиджвик, воспринимая Золотое правило в традиционной формулировке как неопределенное высказывание, которое легко в силу своей неопределенности может трактоваться как внеморальное, оправдывающее корыстные, порочные поступки, считает необходимым эксплицировать его содержание и выразить в строгой форме. Эта необходимость вызвана тем, что при всей

покупателями и продавцами, должниками и кредиторами, благодетелями и бенефициарами, другом и врагом). Кроме того, согласно Риду, Золотое правило является источником всех видов обязанностей – по отношению к себе и к другому, совершенных и несовершенных [Reid, 2010, 275].

невнятности, правило содержит фундаментальную моральную интуицию, признаваемую всеми людьми. Тот действительный моральный смысл, который должен быть акцентирован в Золотом правиле, по мнению Сиджвика, состоит в требовании универсализации оснований моральных суждений и поступков. Неопределенность Золотого правила Сиджвик преодолевает посредством формулирования принципа справедливости, который содержит требование универсализации, предполагающее соотнесение человеком, принимающим решение о поступке, с другим в качестве критерия надлежащего поступка вообще и поступка по отношению к другому. Формулируя принцип справедливости, Сиджвик предполагал, что тем самым он полностью эксплицирует содержание Золотого правила в строгой и определенной форме – так, что принцип справедливости фактически ассимилирует его. Так ли это?

О том, в какой мере Сиджвику удалось строгие формулировки принципа справедливости, можно судить по огромному массиву литературы, посвященной его этике, обсуждению установленных им фундаментальных моральных принципов, в частности, принципа справедливости. Этот интерес аналитической этической традиции к Сиджвику не был случайным. Как уже говорилось выше, Сиджвика обоснованно считают зачинателем аналитической этической традиции, в том числе в толковании Золотого правила. Он первый берется критически исследовать Золотое правило как высказывание – с точки зрения языка и логики. Принцип справедливости Сиджвика и идея универсализации, выраженная в нем, подвергались в том числе серьезному критическому обсуждению. Неслучайно значительная часть статьи Маркуса Сингера «Всеобщность в этике» [Singer, 1955] была посвящена анализу принципа справедливости (1) Сиджвика, формулировку которого он разъяснял и защищал от критики со стороны Френсиса Г. Брэдли и Чарльза Д. Брода, которые считали ее неопределенной в силу смутности используемого Сиджвиком термина «подобный» как характеристики обстоятельств и лиц. В силу неясности этого термина в данном контексте они расценивали формулировку Сиджвика как тривиальную и тавтологичную [Ibid., 363]. Существенное место в своей статье Сингер отводит разъяснению термина «подобный» в употреблении Сиджвика, он стремится показать, что критика Брэдли и Брода основана на недоразумении, что термин «подобный» в формулировке Сиджвика не просто не делает его неопределенным, но удостоверяет общий характер принципа. Этот термин следует воспринимать как своего рода пробел, который подлежит заполнению в каждом конкретном случае значимыми в каждой конкретной ситуации подобиями [Ibid., 363–368]. Возможно, возражения Брэдли и Брода действительно были основаны на недопонимании и недоразумении, но подробные разъяснения Сингера указывают на то, что Сиджвик был не настолько точен в своей формулировке, якобы преодолевающей смутность Золотого правила, чтобы таких разъяснений не потребовалось.

Подход Сиджвика к исследованию Золотого правила положил начало аналитической традиции, которая по-своему обогатила осмысление Золотого правила, расставила новые акценты в его понимании. Для Сиджвика, как и для ряда последующих исследователей в рамках аналитической традиции, существенным стал именно универсалистский аспект Золотого правила и те способы,

которыми его можно было бы наиболее точно выразить. Вместе с тем сосредоточенность в исследовании Золотого правила на этом аспекте оставляет в тени другие существенные – содержательные, ценностные аспекты. Уотлз обращает внимание на то, что с Золотым правилом мы прежде всего ассоциируем требование уважения к другому, к людям, что в этике Канта формула универсальности была сбалансирована формулой человечности, выражающей это уважение – смысл, который существенен для Золотого правила, но который не содержится в формуле универсальности самой по себе [Уотлз, 2017, 249]. В этике Сиджвика принцип справедливости также сбалансирован принципом благожелательности. При этом само Золотое правило он фактически отождествляет с принципом справедливости, задающим универсализацию оснований суждений и поступков.

Вместе с тем сам разворот Сиджвиком обсуждения Золотого правила в сторону справедливости, обычно соотносимой с талионом, был важен. В соответствии с Золотым правилом, справедливость проявляется в готовности морального агента действовать инициативно и односторонне, предполагая взаимность, но не ставя свое поведение в зависимость от нее, соотнося свои интересы с интересами других людей и не допуская для себя исключений. Благодаря этому и создается пространство человечности (взаимной примиренности, солидарности, благожелательности), создаются условия для позитивных взаимодействий между людьми.

The Golden Rule and the Principle of Justice in Henry Sidgwick's Ethics

Olga V. Artemyeva

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-8266-8730

e-mail: o_artemyeva@mail.ru

The article analyzes the peculiarities of conceptualization of the Golden Rule in Sidgwick's ethics. The significance of his approach to the study of the Golden Rule is determined, in particular, by the fact that he introduced the Golden Rule into the context of moral theory and, focusing on the analysis of the Golden Rule as a statement, started the tradition of thinking about the rule in analytical ethics. In his consideration of the Golden Rule, Sidgwick assumed that it represents a fundamental moral intuition recognized by all humans. However, the evangelical formulation of the rule, in his view, is vague, open to ambiguous and false interpretations and, because of the significance of the rule, needs to be clarified and reformulated. In an effort to rationalize and clarify the normative content of the Golden Rule, Sidgwick links it to the principle of justice, in which he emphasizes the idea of universalizability. Universalizability according to the model of the Golden Rule is realized through the correlation of one's own judgments and actions with other people's judgments and actions. The idea of universalizability in his interpretation sets the criterion for right action in general and right action in relation to others, in particular. Sidgwick's association of the Golden Rule with the principle of justice was essential because justice was most often correlated with the Talion. The correlation of justice with the Golden Rule provides a different image of justice: it manifests itself

in the reciprocal willingness of persons to act proactively, to balance their interests with the interests of others and to allow no exceptions for themselves. This creates a space of humanity, providing conditions for positive interactions between people.

Keywords: Henry Sidgwick, Immanuel Kant, The Golden Rule, universalizability, justice, morality, ethics, norms, analytical ethics

Литература / References

Августин. О Граде Божиим // Августин Блаженный. Творения. Т. IV / Сост. и подготовка текста к печати С.И. Еремеева. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.

Augustinus. "O Grade Bozhiem" [The City of God], ed. by С.И. Eremeev, in: Blessed Augustinus, *Tvorenia* [Works], Vol. 4. St. Petersburg: Aleteia Publ.; Kyiv: UCIMM-Press Publ, 1998. (In Russian)

Апресян Р.Г. Генезис Золотого правила // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 39–49.

Apressyan, R.G. "Genezis Zolotogo pravila" [Genesis of the Golden Rule], *Voprosy filosofii*, 2013, No. 10, pp. 39–49. (In Russian)

Апресян Р.Г. «Другой» в Золотом правиле // Другой. Ближний и Дальний: Материалы международной заочной этико-политологической конференции, 15 октября 2017 г. / Отв. ред. Р.Г. Апресян. Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета, 2017. С. 7–12.

Apressyan, R.G. "‘Drugoi’ v Zolotom Pravile" [The Other in the Golden Rule], *Drugoi. Blizhnii i Dal’nii* [The Other. The Nearest and the Farthest], Proceedings of the International Conference (15 October, 2017), ed. by R.G. Apressyan. Erevan: Erevanskiy Universitet Publ., pp. 7–12. (In Russian)

Апресян Р.Г. Нормативно-этический контекст Золотого правила // Технологос. 2021а. № 3. С. 9–21.

Apressyan, R.G. "Normativno-eticheskij kontekst Zolotogo pravila" [The Normative-Ethical Context of the Golden Rule], *Tekhnologos*, 2021a, No. 3, pp. 9–21. (In Russian)

Апресян Р.Г. Принцип универсальности в моральной философии И. Канта // Универсальность в морали / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М.: Сандра, 2021б. С. 86–123.

Apressyan, R.G. "Printsip universal’nosti v moral’noi filosofii I. Kanta" [The Principle of Universality in Immanuel Kant’s Moral Philosophy], *Universal’nost’ v morali* [Universality in Morality], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: Sandra Publ., 2021b, pp. 86–123. (In Russian)

Апресян Р.Г. Талион и Золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72–84.

Apressyan, R.G. "Talio i zolotoe pravilo: kriticheskii analiz sopriazhennykh kontekstov" [Talion and the Golden Rule: A Critical Analysis of Associated Contexts], *Voprosy filosofii*, 2001, No. 3, pp. 72–84. (In Russian)

Гусейнов А.А. Взаимность или автономия воли? // Уотлз Дж. Золотое правило / Пер. О.В. Артемьевой / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2017. С. 3–31.

Guseynov, A.A. "Vzaimnost’ ili avtonomiya voli" [Reciprocity or Autonomy of Will], in: J. Wattles, *Zolotoe pravilo* [The Golden Rule], ed. by A.A. Guseynov, transl. by O.V. Artemyeva. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2016, pp. 3–31. (In Russian)

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. на нем. и русск. языках / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–276.

Kant, I. "Osnowopolozheniye k metafizike nrawov" [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Works] in German and Russian. Vol. 3 / Prepared by N. Motroschilova, B. Tuschling. Moscow: Moscow Filosofskij Fond Publ., pp. 39–276. (In Russian)

Уотлз Дж. Золотое правило / Отв. ред. А.А. Гусейнов, пер. О.В. Артемьевой. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2017.

Watles, J. *Zolotoe pravilo* [The Golden Rule], ed. by A.A. Guseynov, transl. by O.V. Artemyeva. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2017. (in Russian)

Benhabib, S. "Afterword: Communicative Ethics and Contemporary Controversies in Practical Philosophy", *The Communicative Ethics Controversy*, ed. by S. Benhabib, F. Dallmayr. Cambridge; London: The MIT Press, 1995. P. 330–369.

Reid, R. *Essays on the Active Powers of Man*, ed. by K. Haakonssen, J.A. Harris. Edinburgh: Edinburgh UP, 2010.

Sidgwick, H. *The Methods of Ethics*. 7th ed. Indianapolis/Cambridge: Hackett Publishing Company, 1981.

Singer, M. "Generalization in Ethics", *Mind*, 1955, Vol. 64, No. 255, pp. 361–375.

Singer, M.G. *The Generalization in Ethics: In Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy*. New York: Alfred Knopf, 1961.